

УДК 821.111-313.2 (73)
ББК 84(7Сое)-44
Д 46

Paul Dini and Pat Cadigan
HARLEY QUINN
MAD LOVE

Перевод с английского *Фатимы Гомоновой*
Дизайн обложки *Владислава Воронина*

Дини, Пол. Кэдиган, Пэт.

Д46 Харли Квинн. Безумная любовь: [роман] / Криста Фауст, Гэри Филлипс; пер. с англ. Л. Бородиной. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 384 с.

ISBN 978-5-17-118243-4

Когда ей было всего семь лет, Харлин Квинзель стала свидетелем того, как ее отца избил бандиты, а затем арестовала полиция. Той ночью она убежала в самое безопасное место, о котором только могла подумать: парк развлечений Кони-Айленд. Но там, преследуемая до «Дома Веселья» людьми, которые издевались над ее отцом, она познала невообразимые ужасы.

Годы спустя Харлин оставила прошлое позади и использовала свой интеллект и амбиции, чтобы построить карьеру в психиатрии и забыть свое детство, проведенное в нищете. Поступив на работу в Лечебницу «Аркхем», она обнаружит там нечто опасное и заманчивое, нечто совершенно не похожее на все, что знала раньше: Джокера. Зачем соглашаться на любовь, когда можно получить БЕЗУМНУЮ ЛЮБОВЬ.

От появления розы на столе Харлин до момента, когда она надевает колпак арлекина, это самая полная история одного из самых противоречивых и популярных суперзлодеев за всю историю комиксов — Харли Квинн. Хроника одержимости, жгучего желания и маниакального смеха.

УДК 821.111-313.2 (73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-118243-4

Copyright © 2019 DC Comics.

BATMAN and all related characters and elements © & ™ DC Comics.

WB SHIELD: ™ & © Warner Bros. Entertainment Inc. (s19)

S 0175632

© Ф. Гомонова, перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Пролог

История Харли Квинн началась с ограбления ночного клуба в Нью-Йорке.

Вполне логично и даже ожидаемо, учитывая то, что нам известно о Харли Квинн. В действительности, она едва ли провинилась. Ее в клубе вообще не было. Но все жизни связаны между собой, ничто не происходит в вакууме, и круги от какого-либо события расходятся, подчас, далеко.

По пятничным вечерам ночной клуб «Пульсар» по праву считался самым популярным заведением в городе. Его заполнял шум танцующей толпы. Хорошая музыка, хорошая компания, приятнейшее ощущение, что очередная рабочая неделя осталась позади. Люди отлично проводили время, так что никто не заметил, как грабители взломали дверь, ведущую в кабинет владелицы клуба. Она, к слову, тоже развлекалась, но несколькими этажами выше, в своей квартире, в компании очень симпатичного джентльмена. Ограбления ее не волновали: для этого существовала страховка.

ХАРЛИ КВИНН

А вот грабителям страховка не полагается. Не полагаются им и компенсации, когда дела идут вкривь и вкось. Той ночью именно так и получилось: они взломали сейф, надеясь найти кучу денег, ценных бумаг и драгоценностей, а сейф оказался пуст.

У них имелся отлично продуманный план, составленный в счет уплаты старого долга опытным специалистом. Этот специалист знал все о сейфе, кабинете и способах избежать столкновения со службой безопасности «Пульсара». Он также знал, что владелица будет увлечена длинными, шелковистыми волосами своего приятеля, которые так приятно ворошить пальцами, и что клуб будет ее волновать в последнюю очередь. По пятницам клуб вообще не нуждался в управлении: достаточно было открыть дверь, и уставшая от работы толпа вливалась внутрь, готовая тратить деньги на выпивку и закуски до самого закрытия в три утра. Помимо выпивки, здесь приобретали и многое другое: такой необходимый для счастья боливийский кокс или Супер-Икс. Правда, это уже совсем иной бизнес, и в обычные дни волноваться было совершенно не о чем.

К сожалению, именно пятничную ночь выбрали для своего рейда агенты по борьбе с наркотиками на пару с местной полицией. Они ввалились в клуб, вырубали музыку и сломали всем кайф как раз в ту минуту, когда грабители обнаружили, что сейф пуст.

Увы, грабители не могли показать на пустой сейф и пожалеть плечами, надеясь, что полицейские легко их отпустят, раз уж приключилась такая незадача. Гра-

БЕЗУМНАЯ ЛЮБОВЬ

бителям пришлось пробиваться к выходу с боем, чего им делать совершенно не хотелось, поскольку стрелять в копов — верный способ навлечь на свою голову гнев всей полиции Нью-Йорка. Копы свирепствуют так, что федералам мало что остается. Если вообще что-то остается.

Но и в тюрьму садиться никто не намеревался. В результате разочарованные грабители сбежали с пустыми руками, а врачу мафии пришлось поработать сверхурочно.

Харлин Квинзель во всем этом не участвовала. Ей было семь лет, и, когда грабители слышали полицейские сирены, ей давно уже полагалось лежать в постели. На следующий день бандиты сидели тихо, не высывая носа. Владелица «Пульсара» подписывала страховые документы, ее адвокат отвечал на вопросы полиции, а Харлин Квинзель гуляла по Кони-Айленду со своим отцом.

1

Самый лучший день в жизни.

Харлин казалось, что она ждала его целую вечность. Когда она была единственным ребенком в семье, они с папой проводили вместе куда больше времени. Потом у нее появился маленький братик, довольно забавный, но уж очень громкий. Папа объяснил Харлин, что братик еще маленький, ему нужно много внимания, и пообещал, что они с мамой обязательно вознаградят Харлин за ее терпение и помощь.

Харлин была хорошей девочкой. Она терпела и по мере сил помогала маме. И вот, когда она начала подозревать, что ей уже полагается обещанное вознаграждение, мама с папой принесли домой *еще одного* маленького братика. Теперь малышей было двое, и ей ничего не оставалось, как отыгрывать роль послушной девочки и помогать маме. Папа ведь пообещал, что ее вознаградят. Пообещал!

А затем они опять отправились в больницу и привезли домой еще одного младенца, и Харлин обзавелась тремя маленькими братиками.

БЕЗУМНАЯ ЛЮБОВЬ

Верилось с трудом: родители серьезно считают классным, что у нее столько маленьких братиков? Однако, порой взрослые бывают такими странными...

Если бы кто-то поинтересовался ее мнением, Харлин бы сказала, что ей очень хочется сходить в кино или на представление цирка на льду. Но больше всего она хотела, чтобы они с папой вдвоем отправились на Кони-Айленд. Папа никогда не считал, сколько она съела сосисок в тесте или яблок в карамели, не боялся прокатиться вместе с ней на «чертовом колесе». Вот мама, например, вечно ругала Харлин за то, что та запачкала горчицей рубашку, сгрызла с яблока одну карамель и руки у нее липкие от сладкой ваты.

Она понимала, что мамочка ничего не могла с собой поделаться: все мамы таковы.

Папа же был совсем другим. Правда, теперь у него на шее сидело трое мальчишек, и ему приходилось работать с утра до ночи почти без выходных. Он просил у Харлин прощения и говорил, что, как только выдаться свободный денек, они непременно отправятся вместе в парк и хорошенько повеселятся.

Обычно он говорил ей это как раз перед тем, как уйти на работу.

По крайней мере, папа с мамой больше не приносили домой маленьких братиков. Хотя бы какое-то утешение. Папочка теперь дневал и ночевал на работе. Харлин подозревала, что он вообще позабыл, что можно делать что-то еще. Или того хуже: ему больше нравилось на работе, чем дома с ней, мамочкой и тремя вечно орущими маленькими братиками.

ХАРЛИ КВИНН

Тем утром она уже смирилась, что проведет целую субботу дома, меняя подгузники и притворяясь, словно не слышит, как мама вполголоса жалуется на ловушку, в которую угодила (чепуха какая-то, ведь у них в доме и мышеловки-то не было). Как вдруг папочка сказал, чтобы Харлин поскорее одевалась, а то они и к полудню не попадут на Кони-Айленд.

Харлин боялась поверить в происходящее. Боялась, что едва они выйдут из дома, отцу позвонят, и ему придется опять уехать на работу, а ей ничего не останется, только мрачно менять грязные подгузники.

Обошлось.

Они с папой доехали на метро до Кони-Айленда и оказались там задолго до полудня. Папочка сказал, что если ему позвонят, он не станет отвечать, и что слово «работа» отменяется до вечера.

Какой же это был чудесный день! Они вдвоем покатались на карусели, на «чертовом колесе», на американских горках и направились в отремонтированный, свежеекрашенный павильон аттракционов. Чего там только не было! Пухлые мягкие вертикальные валики, которые прокатывали человека между собой, точно комок теста. Плитки пола, которые то поднимались, то опускались, выскальзывая из-под ног так, что люди постоянно спотыкались. Еще стояли смешные зеркала: в одних твоё отражение становилось толстым и приплюснутым, в других — длинным и тощим, в третьих оно и вовсе кривилось и искажалось.

Даже длинные горки-слайды казались совсем новыми, высокими и более опасными, чем раньше. Харлин

БЕЗУМНАЯ ЛЮБОВЬ

побоялась скатываться одна. Тогда папочка крепко ее обнял и съехал вниз вместе с ней, пока она визжала от восторга.

На обед они купили хот-доги и запили их лимонадом под названием «Кокосовое шампанское». Разумеется, то было вовсе не шампанское, а газировка, к тому же такая приторная, что Харлин не смогла допить свою порцию. Папа не возражал — он тоже не допил. Когда она обгрызла всю карамель с яблока, а само яблоко кинула птицам, он ничуть не рассердился. Лишь заметил, что ему бы тоже не понравилось яблоко без карамели, и они оба рассмеялись.

Позже папа признался, что после такого сытного обеда кататься на аттракционах не стоит, и они принялись играть в разные игры: пинбол, кольца, «Разбей пирамиду»... В «Подцепи игрушку» им особенно повезло: оба вытащили по плюшевой зверушке. Она выиграла смешную обезьянку, он — страуса. Призы были маленькими, но все равно замечательными, просто потому что они с папой выиграли их вместе. Папочка попросил ее позаботиться о его страусе. Сам он, дескать, пропадает на работе, и ему не хочется, чтобы Оззи заскучал. Ей очень понравилось, что папа сразу придумал страусу имя.

Когда они проходили мимо американских горок, он внезапно остановился и, указав на сложное переплетение поддерживающих балок, сказал, что решетка отбрасывает удивительную сетчатую тень: если встать в самой серёдке и не двигаться, никто из прохожих тебя не увидит.

ХАРЛИ КВИНН

— Но тебе никогда не придется там прятаться. На Кони-Айленд абсолютно безопасно, — добавил он, и они пошли дальше.

Держа его за руку, Харлин кивнула и еще раз оглянулась на решетку аттракциона.

Приближался вечер. Яркий солнечный свет угасал, и папа вот-вот должен был объявить, что им пора возвращаться, но вместо этого они направились смотреть разные шоу. Там была женщина, сидевшая на электрическом троне. Сквозь него проходил ток в тысячу вольт, но дама совершенно ничего не чувствовала, хотя и зажгла фонарик, прикоснувшись к нему языком.

Женщина-змея закручивалась в такие кольца, что Харлин побоялась на нее смотреть. Никто, даже ее учительница гимнастики, не смог бы похвастаться подобной гибкостью. Еще там был человек, который забил гвоздь себе в щеку, и у него даже не полилась кровь.

Они вернулись к павильону с аттракционами и еще раз пять скатились с большой горки. В конце Харлин уже совсем не боялась и только хохотала от восторга, когда они с папой усаживались на маленький коврик и летели вниз по длинному желобу.

По пути из павильона они случайно отворили какую-то дверку, думая, что за ней выход, и попали в тесную каморку, грязную и душную. По всему полу стояли банки с краской и лаками, словно рабочие нарочно расставили их так, чтобы кто-нибудь споткнулся. У стены стояли листы фанеры, а рядом теснились бутылки со столярным клеем и валялись куски синего

БЕЗУМНАЯ ЛЮБОВЬ

мела. На двух козлах для пилки дров лежал большой кусок фанеры с электрической пилой поверх него.

В сухом воздухе сильно пахло опилками, свежей краской, растворителем и еще чем-то резким, химическим, вроде резинового клея. Харлин слегка затошнило.

— Плохое место, — недовольно буркнула она.

— Нет, просто мастерская, — поправил отец. — Кто-то же должен делать все эти смешные штуки.

Они покинули комнату, и он закрыл за ними дверь. Харлин подняла на него взгляд:

— Похоже, делать веселые вещи не очень-то весело.

— Это ты сейчас здорово сказала, — усмехнулся папа.

Харлин потащила его прочь от двери. Она все еще ощущала ужасный химический запах, и ей хотелось вдохнуть свежего воздуха. Из парка они вышли в темноте.

Харлин почувствовала тревогу и возбуждение. Было так поздно! Мамочка всегда говорила, что когда на улицах зажигаются фонари, пора бежать домой. Будь на месте отца мама, она бы уже давно искупала Харлин и надела на нее пижаму.

Но папа никуда не торопился. Вместо того чтобы пойти домой, он предложил заглянуть куда-нибудь поесть. «Настоящей еды», — пояснил он. Тогда, если мама спросит, ели ли они что-нибудь кроме хот-догов и яблок в карамели, они с чистой совестью ответят — «да». Они отправились в смешное маленькое кафе под названием «За-Есть», где все официантки ходили с пышно начесанными волосами, называли посетителей

ХАРЛИ КВИНН

«дорогушами» и «сладенькими моими», говорили с протяжным бруклинским акцентом и постоянно выдували пузыри жвачки. Харлин решила, что тут почти так же весело, как на Кони-Айленде.

Папа позволил ей выбрать еду самой. Она заказала чизбургер с беконом, жареную спиральками картошку и луковые кольца. Он же взял мясной рулет с картофельным пюре, подливкой и зеленым горошком. Мама часто такой готовила, хотя в её рулете частенько бывало больше хлеба, чем мяса.

Рулет пах просто замечательно, и Харлин показалось, будто она провинилась перед мамой, сравнивая ее стряпню со здешней. Странно, конечно, что отец заказал блюдо, которое мог съесть и дома. Вслух она ничего не сказала, но папа, похоже, умел читать мысли:

— Знаешь, захотелось вдруг мясного рулета. А заставлять маму лишний раз вставать к плите, да еще и так поздно, не годится.

«Что ж, звучит вполне разумно», — решила Харлин. По крайней мере, не страннее других объяснений взрослых. Однако ел папа необычно медленно, словно пытаясь растянуть момент и запомнить удовольствие. Он предложил кусочек Харлин. Она вежливо ответила, что не в настроении есть мясной рулет. Папу это рассмешило. На самом деле она втайне испугалась, что рулет окажется вкуснее мамино.

Харлин наелась так, что на десерт у нее уже не хватило сил. Папа оплатил счёт, оставив официантке большие чаевые.

БЕЗУМНАЯ ЛЮБОВЬ

— Спасибо, дорогуша, — улыбнулась официантка, выдувая пузырь жвачки. — Щедрое у тебя сердце, я всегда по человеку вижу.

На груди у нее висела табличка с именем «Милли», а светлые волосы были начесаны так пышно, что напоминали надувной мяч. Она повернулась к Харлин:

— Присмотри за ним, душечка, чтобы он без проблем до дома добрался. Хорошо?

— Да уж пригляжу, зайка, не беспокойся, — ответила Харлин, подражая густому бруклинскому говору женщины.

Все вокруг рассмеялись, но не зло, а словно над комиком, отпустившим забавную шутку. Милли громко чмокнула Харлин в макушку и сказала ее отцу:

— Классная у тебя малышка.

Они вышли из кафе.

— Ты меня сегодня удивила, — папа подхватил Харлин на руки и направился к станции метро. — Быстро соображать — незаурядный талант. Что-то подсказывает мне, ты далеко пойдешь.

Харлин обняла отца за шею и положила голову ему на плечо. Она ужасно устала. Папа у нее сильный. Как же спокойно в его руках. Лучшего завершения дня и представить нельзя. Девочка даже не заметила, как они дошли до метро и сели в поезд. Папочка продолжал держать ее на руках, и движение вагона постепенно ее убаюкало. Харлин уснула.

Они направлялись по улице к дому, когда ее внезапно разбудил грубый мужской голос:

— Так где же ты припрятал добычу, Ники?

ХАРЛИ КВИНН

— Вот-вот, Ники, тут некоторым любопытно. Расскажи-ка нам все, — проворчал другой.

Харлин подняла голову, протерла глаза и увидела двух сердитых незнакомцев, преградивших отцу дорогу.

— Ребята, со мной моя дочурка, — папа вздохнул. — Может, подождете, пока я отнесу ее домой?

— Ну, уж нет, Ники, — ответил первый из громил. — Мы уже раз тебе поверили, и это дорого нам обошлось.

— Ага, — кивнул второй. — Кто посоветовал нам подождать до пятницы? Дескать, минутное дело, никто даже не заметит. Только знаешь что? Большой куш-то оказался большой пустышкой.

Папа поставил Харлин на землю. Ей пришлось вцепиться в его штанину. Она так хотела спать, что едва удержалась на ногах. Однако он осторожно разжал ее пальцы и заставил отойти на несколько шагов назад.

— Сейф был гол до неприличия, — продолжил первый. — Кто-то там поживился еще до нас. И только один человек мог это сделать. Тот, кто знал о предстоящем дельце. Так вот, после того, как мы постреляли на выходе и едва унесли ноги, мы поспрашивали разных людей и, черт побери, оказалось, что ты ошивался там в четверг и выпивал за компанию с хозяйкой заведения.

— А я говорил ребятам, что не стоит доверять Котяре-Квинзелю. Вот только вызывать полицию по наши души — это подло даже для такой мрази, как ты, Ники.

БЕЗУМНАЯ ЛЮБОВЬ

— Я не виноват, — торопливо отрезал папа. — Я понятия не имел, что агентство по борьбе с наркотиками собирается...

— Хочешь сказать, просто удачное совпадение? Ну, конечно, это все меняет.

Второй внезапно шагнул вперед и, прежде чем Харлин поняла, что происходит, ударил ее папу в лицо. Тот пошатнулся и чуть не упал.

— Эй! — резко сказал первый. — А ну, прекрати!

— Почему?

— Да потому, что я хотел первым ему вмазать, — с этими словами он тоже ударил отца, сбив того с ног.

Папа рухнул на тротуар. Харлин крикнула, чтобы они прекратили, но бандиты не обратили на нее никакого внимания. Подняли папу на ноги, первый завел ему руки за спину, а второй принялся избивать. Харлин продолжала кричать, а ее никто не слышал, словно ее там вообще не было.

— Я позову полицию! — завизжала она и бросилась обратно к метро.

Мама часто повторяла, что в метро всегда можно найти полицейского, если он тебе нужен. Добежав до угла, Харлин увидела патрульную машину и выскочила на улицу, плача и размахивая руками.

Машина остановилась, загорелись сине-красные огоньки. Вышедший из машины полицейский оказался очень высоким человеком, даже выше ее отца. Харлин схватила его за руку и потянула за собой. Ей казалось, что она тащит за собой дерево. Вторым полицейским

ХАРЛИ КВИНН

неспешно ехал за ними, освещая улицу разноцветными пятнами.

К тому времени, когда они добрались до папы, громилы уже исчезли. Папочка лежал на асфальте в окровавленной одежде, и Харлин вдруг почудилось, что сердце у нее вот-вот остановится.

— Помогите ему, помогите! — Умоляла она.

Второй полицейский, молодой, не такой высокий, как напарник, но такой же крепкий, вышел из машины и подбежал к ним. Лица у мужчин выражали недоумение и тревогу, точь-в-точь как лицо матери, когда Харлин разбивала коленку или стучалась обо что-то головой. Впрочем, когда копы поняли, кто перед ними, их настрой переменился.

— Подумать только, наш старый знакомый Котьяра-Ник, — распел высокий полицейский и вместе с партнером поднял ее папу на ноги.

— Осторожно! Ему же больно! — Воскликнула Харлин.

— Тише, малышка, с твоим стариком все в порядке, — отрапортовал высокий. — Ник, ты хоть представляешь, сколько народа тебя разыскивает? — с этими словами он завел руки Ника за спину.

Харлин испугалась, что ее отца вновь хотят избить, и кинулась на мужчину, размахивая кулачками.

— Да уймись ты! — тот, что пониже, оттащил ее в сторону. — Мы должны надеть на него наручники и доставить в участок. Никто ему ничего плохого не сделает.

БЕЗУМНАЯ ЛЮБОВЬ

— Но ему и так больно! Вы же должны помогать людям, — всхлипнула Харлин.

Копы посмотрели на нее, потом на отца.

— Сэр, вы в порядке? Не нужна ли вам медицинская помощь? — официальным, строгим голосом поинтересовался высокий.

Папа только сплюнул кровь:

— Просто царапина.

— Вот видишь, он говорит, что это просто царапина.

Они посадили отца на заднее сиденье патрульной машины и позволили Харлин сесть рядом. Всю дорогу до участка она прижималась к папе, но он не мог ее обнять, и оттого ей было очень-очень страшно.

В участке патрульные передали их детективам. Тот, что постарше, обладал смуглой кожей и слезящими глазами, которые казались огромными за стеклами очков в черной оправе. В коротких, курчавых черных волосах кое-где мелькали белые нити седины. Он представился Джеком Тибодо. Его напарником был китаец Брайан Ли. Его длинные волосы были завязаны сзади в хвостик. При других обстоятельствах он бы Харлин понравился. Голос у него звучал приятно, зато лицо казалось таким серьезным, что девочка поневоле побаивалась.

Оба детектива были одеты весьма небрежно: пиджаки — полностью мятые. Мама бы наверняка предположила, что они в них спали. Учительница Харлин любила повторять, что на важную работу нужно приходиться аккуратно одетым. Может, детективы просто

ХАРЛИ КВИНН

об этом не знали или же им было все равно? Впрочем, всех остальных в участке, судя по всему, тоже не особо волновали правила хорошего тона.

Но самое ужасное заключалось в том, что они называли ее папочку плохим парнем, а вот это точно было неправдой! Разве кто-нибудь плохой повел бы ее на Кони-Айленд, катал бы ее на аттракционах и играл бы с ней во все игры? Милли в кафе сказала, что у него щедрое сердце. Разве так говорят про плохих людей? Если бы он был плохим, разве нес бы он ее на руках до самого дома? Плохие парни ничего такого не делают, они слишком заняты своими плохими делами.

Детективы обзывали ее отца «мошенником». Харлин понятия не имела, что это значит, но подозревала, что они придумали это слово специально, чтобы его обидеть. Они утверждали, что ее отец руководил серией ограблений и спланировал налет на ночной клуб, принадлежавший какой-то богатой даме, а потом обманул своих приятелей, и теперь его разыскивали все подряд: плохие парни, хорошие, да и вообще все на свете.

Харлин с радостью бы объяснила, что ее папа точно не мог сделать ничего плохого, ведь весь день они провели вместе на Кони-Айленде. Она в сотый раз попыталась сказать правду, как вдруг папочка, сидящий напротив детектива, схватил ее за руку и усадил к себе на колени.

— Позвольте, я с ней поговорю, — попросил он детективов и развернул стул так, чтобы они не видели его лица.